

Светлана Алешина

Новая русская

*Часть сборника
Новая русская (сборник)*

Новая русская

Светлана Алешина

Новая русская

«Научная книга»

1998

Алешина С.

Новая русская / С. Алешина — «Научная книга», 1998 — (Новая русская)

«...— Чем же он тебя так поразил?— Ну, мне трудно это объяснить, — нахмурила лоб Светлана. — Возможно, глупо это... Например, его первая фраза, когда он пригласил меня танцевать: «Ваша мама не желает второй раз стать тещей?» Я, конечно, была несколько шокирована, но в целом меня это, так сказать, зацепило. А потом он долго говорил о том, что вся история, которую мы знаем по книжкам и учебникам, ерунда. Говорил, что Колизей построен в Риме не Цезарем, а четыреста лет назад по приказанию какого-то короля. Что татаро-монгольского ига на Руси вообще не было, что шотландцы на самом деле совсем не шотландцы, а потомки русских, переселившихся туда в незапамятные времена.— И ты купилась на это?! — Глаза Ларисы округлились. — По-моему, это просто сумасшедший...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлана Алешина

Новая русская

Глава 1

Будильник нагло вторгся в предрассветную тишину, прорезая своим унылым сигналом просторную комнату. Лариса с трудом разлепила глаза, протянула руку и нажала на кнопку. Вторжение было с успехом подавлено, но сон уже был безнадежно прерван.

Несмотря на то, что Лариса не отводила свою дочь Настю до школы – ее подвозил на машине шофер, – она считала своим долгом пообщаться с девочкой за завтраком и проводить ее до машины.

Электронные часы, стоящие на телевизоре, показывали шесть пятьдесят.

«Может быть, понежиться еще пять минут в постели?» – спросила сама себя Лариса и тут же отбросила эту мысль. Если она поддастся минутной слабости, то проснется только через час. И хотя живущая в доме гувернантка, разумеется, разбудит Настю, приготовит ей завтрак и соберет в школу, все же Лариса предпочитала сделать все это сама.

Она решительно откинула теплое ворсистое одеяло и, как всегда по утрам, ощутила во всем теле ужасный озноб. И это несмотря на то, что весь ее дом прекрасно отапливался. Как у всех уважающих себя «новых русских», система отопления в доме была автономной и не зависела от капризов начальства городской теплосети.

На дворе стояла вторая половина апреля, но весна в этом году слегка запоздала и никак не желала до конца утвердиться в своих правах. Температура днем выше двенадцати не поднималась.

Лариса запахнулась в свой любимый махровый бело-голубой халат, вышла в просторный коридор и открыла ближайшую дверь.

Там, в комнате, среди всевозможных игрушек и книг, обитало Ларисино сокровище, девятилетняя дочь Настя. В этот рассветный час сокровище еще пребывало в стране грез, где вполне мирно сосуществовали Оловянный Солдатик и Микки Маус, а на приеме у Снежной Королевы вполне могли побывать Карлсон и Чокнутый.

Поверх одеяла, под которым спала Настя, тихо лежал Томагучи. Это новейшее изобретение японцев Лариса приобрела дочери совсем недавно. Та весьма серьезно восприняла проблему воспитания электронных детенышей животных и уже неделю старательно играла роль доброй матери маленького китенка.

Лариса вздохнула. Будить, конечно, жалко, но куда ж деваться... И она ласково затеребила дочь по плечу.

– Настена, пора вставать.

Девочка сморщила нос, издала нечто неопределенно плаксивое и открыла глаза. Вид склонившейся над ней матери не доставил ей особого удовольствия. Это означало, что сейчас надо совершать порядком надоевшие процедуры: из тепла выбираться в прохладу, идти чистить зубы новой суперпротивокариесной пастой, потом в быстром темпе завтракать, про себя негодуя на проклятое безжалостное время, которое не дает никакой возможности сделать все спокойно.

– Мама, дай я еще немного полежу, – сделала попытку оттянуть наступление нового дня Настя.

– Уже семь, – ответила ей мать, и это прозвучало для дочери как приказ.

Настя вздохнула по поводу своей тяжелой детской доли. Маме-то, конечно, хорошо. Ей-то никуда сейчас идти не надо, сиди себе дома и наслаждайся покоем. А у Насти сегодня пер-

вым уроком математика, которую она терпеть не может. И было у нее почему-то нехорошее предчувствие, что именно сегодня ее вызовут к доске.

– Давай вставай...

Лариса откинула одеяло, взяла дочь за руки и приподняла ее на кровати.

Настя скорее по привычке, чем от глубоких дочерних чувств, обняла мать, и обе они застыли в немой позе. Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но тут в дверь постучали. На пороге появилась гувернантка Наталья Ивановна Семина.

Это была незамужняя женщина тридцати пяти лет, дочь старой приятельницы мамы Ларисы. Она несколько лет работала в школе учителем начальных классов.

Вопрос о ее работе в доме Котовых был решен год назад, в день всероссийской акции учителей против невыплаты зарплаты. Лариса заехала в гости к своим родителям, которые обмолвились о бедственном положении Семиной-младшей. Лариса как раз подыскивала гувернантку, так как собиралась тогда в очередной раз устроиться на работу. Решение она приняла сразу же и объявила об этом своему мужу.

Евгений пожал плечами в знак того, что ему все равно, кто займет это место в его доме.

Лариса же исходила из практических соображений. Наталья уже перешагнула тот возраст, когда обычно заводят семью и детей, и, судя по всему, так и останется старой девой. А это означает стабильность и спокойствие – то, что ценится в любой гувернантке, работающей в семьях так называемых «новых русских». Кроме того, Наталью нельзя было назвать красавицей – она была полноватой маленького роста брюнеткой с носом неправильной формы. Этот момент был также важен, потому что любые намеки на возможность неформальных отношений между прислугой и ее мужем Ларису не устраивали.

Но в данном случае Евгению было действительно все равно, так как большую часть своего времени он проводил в Москве, навещая семью примерно раз в месяц. Бизнесу, которым он успешно занимался в течение нескольких лет, стало слишком тесно в пределах провинциального города, и Евгений Котов, глава многопрофильного концерна «Антей», переехал в Москву.

Лариса была вынуждена довольствоваться ролью домохозяйки без мужа в роскошной трехэтажной квартире. Общалась она преимущественно с дочерью, изредка с родителями и подругами. Последние в основном были такие же, как она – жены богатых, преуспевающих бизнесменов. С кем-то она поддерживала отношения просто потому, что это было положено по статусу. С некоторыми ее действительно связывала прочная дружба.

Как, например, со Светой Гордеевой. Может быть, еще и потому, что у обеих женщин было схожее положение. У Светланы муж тоже покинул на время родной город, оставив жену одну. Глава фирмы «Гордеев и компания» Игорь Гордеев, владевший в городе сетью магазинов, проходил трехмесячную бизнес-стажировку в Питтсбурге.

Проводив дочь в школу и позавтракав, Лариса устроилась в зале с камином на втором этаже и начала размышлять о том, чем же ей заняться сегодня днем. У нее в голове возникли всевозможные варианты времяпрепровождения: посетить старинную подругу Эвелину Горскую в магазине «Ив Роше» и посплетничать о моде и косметике, поехать к родителям и поговорить о наступающем дачном сезоне или сходить в парикмахерскую. Лариса, глядя на себя в зеркало, подумала, что ей больше пойдет чуть рыжеватый оттенок. Вообще от природы у нее светло-русые волосы, но зимой этого года она превратила себя в платиновую блондинку.

Но с Эвелиной они встречались позавчера, и она не успела по ней соскучиться, дачный сезон Ларису вообще не интересовал, а насчет волос она так до конца и не решила.

«Стоп, а Света?» – Мысли Ларисы вдруг стали удивительно ясными. Она не видела Гордееву уже больше недели. Весьма странно, что она даже не звонила. Может быть, что-то случилось? Обычно подруги переговаривались между собой раз в три дня обязательно.

Лариса прошла на третий этаж в свою комнату и открыла шкаф. Ее взору предстал длинный ряд вешалок со всевозможной одеждой. Покопавшись в гардеробе где-то около минуты,

Лариса решила выбрать для визита к подруге новый черный велюровый костюм с белой блузкой.

Это был подарок Евгения на Восьмое марта. Муж утверждал, что Ларисе, как женщине целеустремленной и энергичной, к лицу как раз деловой стиль в одежде. Лариса была не совсем согласна с мужем – она как раз больше любила раскованность и исповедовала более современный стиль, но от подарка грех отказываться. Тем более что костюм стоил полторы тысячи долларов и являлся самым дорогим в коллекции Келвина Клейна.

Лариса взглянула в окно. День обещал быть солнечным, и существовала надежда, что сегодня днем можно будет наконец пройтись по улице без плаща. Правда, Лариса плащ надевать и не собиралась, так как все равно придется сидеть в теплом салоне автомобиля за рулем.

Ее «Вольво» стоял в гараже, в который непосредственно можно было попасть прямо из прихожей квартиры.

Лариса ездила на «Вольво-450» с автоматической коробкой переключения скоростей. Эта машина, славящаяся своей надежностью, тем не менее получила у российских автолюбителей презрительную кличку «женская». Конечно, для любителей автовождения отсутствие рычага переключения передач являлось существенным минусом. Они утверждали, что без него не получаешь удовольствия от управления машиной. Лариса же считала свой автомобиль самым удобным и безотказным из всех иномарок. А она, слава Богу, ездила не первый год и сменила несколько автомобилей: первой ее машиной была банальная «шестерка», потом «девятка», «БМВ» и, наконец, джип «Чероки». Последний автомобиль Ларисе тоже пришлось по вкусу, однако Евгений настоял на том, что он будет ездить на нем в Москве, и угнал машину в столицу, купив жене «Вольво».

Включив электрические щипцы, Лариса привела свою челку в порядок и занялась макияжем.

«Ну вот, кажется, можно и выходить», – подумала Лариса спустя полчаса, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

Лариса взяла белую лаковую сумочку и направилась к выходу из комнаты. И в этот момент зазвонил телефон. Она взяла трубку, которая лежала на ночном столике, и нажала кнопку.

– Алло, Лара? – послышался в трубке обеспокоенный женский голос.

– Света? – удивилась Котова. – А я к тебе собираюсь, уже накрашилась...

– Ларочка, у меня очень серьезные проблемы, – произнесла Светлана с придыханием. – Но я не могу тебе рассказать по телефону. И у себя дома не хочу об этом говорить. Так что лучше я к тебе приеду...

Лариса не успела ничего ответить, как Света оборвала разговор, и из трубки раздались короткие гудки. Она недоуменно покачала головой и положила трубку на место.

«Странная она какая-то. Неужели правда случилось что и мои утренние размышления могут оказаться вещими?» – подумала Лариса.

Она спустилась на кухню, приоткрыла окно и в нетерпеливом ожидании закурила. Курила она мало, одной пачки ей хватало на несколько дней. Ее любимыми сигаретами были «Kent Super Lights», о которых ее муж Евгений Котов, поклонник крепких «Rothmans International», с жаром высказывался в том смысле, что «курить их – все равно что дышать свежим воздухом».

Чтобы скрасить ожидание, Лариса прошла в холл и включила телевизор.

ОРТ торпедировал чувствительные сердца российских домохозяек очередной неправдоподобной историей о латиноамериканских детях, потерявших своих родителей. Родители же, в свою очередь, не могли разобраться между собой и постоянно образовывали любовные треугольники, квадраты и временами даже шестиугольники.

На РТР шел повтор «Сам себе режиссера». Но эту передачу Лариса уже видела в вечернее время.

«Интересно, что у нее за проблемы? – промелькнула мысль в голове Ларисы по поводу звонка подруги. – Наверное, с мужем что-нибудь...» Позвонил из Штатов, наговорил Бог знает что...

Игорь Гордеев был человеком импульсивным и даже резким. Иногда в этом суровом коротко стриженном коренастом мужчине с выдвинутой вперед челюстью проскальзывала какая-то чисто женская эмоциональность. Правда, справедливости ради надо отметить, что эмоциональность эта играла в нем тогда, когда надо было отстаивать вполне рациональные, собственные насущные интересы.

Лариса относилась к Игорю ровно и, можно сказать, нейтрально. Никакого чисто женского интереса он у нее не вызывал. Конечно, он был достаточно видным, в нем чувствовалась мужская сила, и, наверное, в интимном плане он мог доставлять женщинам удовольствие.

Но внутри у Ларисы тем не менее иногда подсознательно возникало ощущение, что она не хотела бы быть на месте подруги. Она не до конца понимала, откуда у нее это ощущение, – Игорь с ней всегда был подчеркнуто вежлив и обходителен. Но что-то мешало Ларисе назвать его мужчиной в полном смысле этого слова.

Она пощелкала пультом телевизора, пробежалась по каналам и переключилась на видеомагнитофон. Кассета находилась на середине.

«I'm Going Slightly Mad!» – жеманно утверждал с экрана Фредди Меркьюри, улыбаясь среди желтых нарциссов. Ларисе нравился этот клип. Может быть, отчасти потому, что она сама чуточку начинала сходить с ума. Правда, в отличие от блистательно-несчастливого Фредди, не от предчувствия неминуемого конца, а просто от скуки.

Но... Боже мой! Что же она сидит здесь как истукан?! Сейчас приедет Света. А она так хотела угостить свою подругу новым салатом, который она открыла для себя совсем недавно!

Лариса почти бегом вернулась на кухню и, рывком открыв холодильник, достала оттуда капусту и кусок грудинки. Нашинковав капусту, она порезала грудинку кубиками, включила микроволновку и быстро прожарила ее. Затем смешала мясо с капустой, добавила уксус, сахар, соль и майонез.

Она заканчивала заправку салата, когда послышался звонок в дверь. Лариса взглянула на дисплей домофона, и перед ней предстало сумрачное лицо Светы Гордеевой.

Быстро спустившись по винтовой лестнице, покрытой ковролином, Лариса прошла маленький пустой холл на первом этаже и открыла входную дверь.

– Лара, здравствуй, – сухо сказала Светлана, почему-то оглядываясь по сторонам.

– Привет, – несколько недоуменно ответила ей Лариса.

Она обратила внимание, что макияж на лице у Светы, которая всегда относилась к подобным вещам весьма ответственно, наложен небрежно. Полоска у правого глаза явно была длиннее, чем нужно. Значит, точно что-то у нее не в порядке.

Лариса приложила руки к груди и спросила:

– Света, что такое? У тебя такой вид...

Гордеева снова напряженно огляделась по сторонам и тихо, но вместе с тем несколько раздраженно спросила:

– Может быть, все же пройдем внутрь?

– Конечно, – ответила Лариса и посторонилась, впуская подругу в дом. – Что все-таки у тебя произошло? – спросила она, когда Светлана скинула туфли и надела мягкие домашние тапочки.

– Сейчас я тебе все расскажу, но дай слово, что это все останется между нами, – произнесла Гордеева.

– Света! – укоризненно посмотрела на нее Котова. – Что ты, конечно! Пойдем на кухню, я тебя угощу новым салатом и кофе.

– Спасибо, я есть не хочу.

– Что такое, неужели после вчерашнего? – пошутила Лариса, еще раз стрельнув глазами по лицу подруги. – Вроде непохоже.

Светлана взглянула на нее так, как будто Лариса только что отбила у нее любимого мужчину.

– Мне не до шуток, Лара, – серьезно сказала она.

– Тем не менее салат ты съешь, – твердо заявила Лариса. – Или ты хочешь сказать, что я напрасно готовила? Говорят, в Штатах сейчас этот салат безумно популярен.

Света пожала плечами и молча направилась к лестнице. Даже по тому, что с бежевым костюмом она почему-то надела синюю блузку и черные колготки, которые абсолютно с ним не смотрелись, можно было сделать вывод, что с подругой происходит нечто странное. Лариса проводила Светлану на кухню и положила салат в тарелку.

– Ой, действительно замечательно! – не удержалась Светлана после того, как распробовала. – Завидую я тебе, Лара! У тебя и кнедлики, и мясо по-французски, и салаты! А у меня зачастую терпения не хватает все это готовить.

– Да что там готовить – всего пятнадцать минут! – удивленно воскликнула Лариса. – И все довольно просто, при наличии продуктов-то!

– Ой, Лара! – Света отложила в сторону вилку. – Мне сейчас не до антрекотов, не до салатов, ни до чего вообще...

– Извини, я тебя заговорила совсем. Рассказывай скорее, что случилось.

– Даже не знаю, как начать, – вздохнула Света.

– Помнится, в одном советском фильме студентке, которая не знала экзаменационного билета, профессор посоветовал начать с конца. Вот и ты попробуй.

Гордеева достала сигареты, закурила и тяжело произнесла:

– Залетела я, Лариса, и очень круто...

У Котовой глаза полезли на лоб. Насколько она знала, муж Светланы находится в США уже два месяца. Это с одной стороны. А с другой – не примчалась бы ее подруга к ней ни свет ни заря, чтобы пожаловаться на свою нежелательную беременность. И еще, пожалуй, самое главное, что «залететь» в этом смысле Светлана, страдающая бесплодием, была бы крайне рада.

– Извини, я что-то не понимаю, – растерянно сказала Лариса. – Ты что, бе...

– Меня шантажируют, – прервала ее на полуслове подруга.

– Кто? – Брови Ларисы полезли вверх.

– Ты его не знаешь, – шумно выпустив дым, сказала Гордеева.

– Извини, а чем он тебя... шантажирует?

– Долгая история, Ларочка. – Светлана тяжело вздохнула.

Лариса вполне отчетливо вдруг осознала, что ее подруга не просто так пришла к ней поделиться своими проблемами, а рассчитывает на какую-то помощь с ее стороны. И Лариса в тот же момент решила, что сделает все, что в ее силах, чтобы выручить подругу из беды. В конце концов, это как раз то, чем можно занять время, которого у Ларисы теперь уйма, после того как Евгений переселился в Москву.

– Так. Давай рассказывай все по порядку. На отсутствие времени я не жалею. Чем могу – помогу...

Лариса произнесла эти фразы совсем не по-женски, твердо, беря ответственность за каждое слово.

– Ох! Я проклинаю тот день, Лара! Это было около полутора месяцев назад. Игорь как раз только уехал в Штаты. А я встретила свою старую знакомую, еще по институту. На проспекте днем... Остановились, слово за слово... Выяснилось, что она преподает в политехническом,

разошлась, детей нет, и вообще у нее завтра день рождения. Ну, и пригласила она меня. Я сначала идти не хотела, а на следующий день с тоской оглядела свои четыре стены. И пускай они все в английских обоях и отделаны деревом, стенами они быть не перестают...

Света затушила сигарету в пепельнице и снова полезла в пачку.

– Ну, я и решила пойти. В конце концов, Игорь далеко, да и, откровенно говоря, в последнее время у меня с ним не очень-то все и ладилось. Купила ей подарок, бра красивое, германское, кстати, будешь в Центральном универмаге, обязательно взгляни... Ритка очень довольной осталась. О чем это я? – Светлана рассеянно посмотрела на подругу. – Ах, ну да... Вот там, на этом дне рождения, я и познакомилась с этим Са-шей. Алек-сан-дром. Ни-ко-ла-е-вичем. Преподаватель философии в университете, сорок лет, мужчина видный, плечи, усы, все такое... Но это не главное. Он как меня увидел, прямо-таки впился взглядом. Ну, и он мне, в общем, тоже понравился. Д-дура!

Светлана, наградив себя столь нелестным эпитетом, раздраженно стукнула сигаретой о край пепельницы и, по-прежнему держа ее в руках, закрыла голову руками. Помолчав несколько секунд, она продолжила:

– Этот Саша, кстати, женат. На день рождения к Ритке зашел случайно, практически так же, как и я. Они вместе работали раньше в одном институте, только Добров потом в университет ушел, а Ритка в политехе осталась. Может, что и было между ними... Но это неважно! Ну, значит, он подпил, подсел ко мне и начал говорить. Ты представляешь – вот ты, например, умная женщина, ну, я не дура... была, до последнего времени... Но в тот момент я поняла, что все это ерунда. Такой эрудиции и живости ума я еще не встречала.

– Чем же он тебя так поразил?

– Ну, мне трудно это объяснить, – нахмурила лоб Светлана. – Возможно, глупо это... Например, его первая фраза, когда он пригласил меня танцевать: «Ваша мама не желает второй раз стать тещей?» Я, конечно, была несколько шокирована, но в целом меня это, так сказать, зацепило. А потом он долго говорил о том, что вся история, которую мы знаем по книжкам и учебникам, ерунда. Говорил, что Колизей построен в Риме не Цезарем, а четыреста лет назад по приказанию какого-то короля. Что татаро-монгольского ига на Руси вообще не было, что шотландцы на самом деле совсем не шотландцы, а потомки русских, переселившихся туда в незапамятные времена.

– И ты купилась на это?! – Глаза Ларисы округлились. – По-моему, это просто сумасшедший.

– Понимаешь, я не могу сейчас привести тебе всю аргументацию, которой он оперировал, но он говорил все так складно, что возразить я не могла. К тому же... Игорь не знает и десятой доли того, что говорил он. Я ему вообще малоинтересна, кроме, пожалуй, постели... Да и то... Сделает свое дело, отвернется к стенке и захрапит. А на то, что я чувствую, ему, в общем, наплевать.

– Как и большинству мужчин, Светочка, – заметила Лариса. – Мой Евгений недалеко от твоего Игоря ушел... Ну, а что Са-ша? Я так понимаю, что ты можешь сравнивать...

– Ларочка, не иронизируй, пожалуйста. – Светлана снова с укором посмотрела на подругу. – Выслушай все по порядку.

– Извини, – быстро повинулась Лариса. – Я вся внимание.

– Еще он привлек меня тем, что при всей внешней замороченности в нем нет этой пресловутой интеллигентщины, этого отрешенного взгляда на мир через очки. В нем был виден мужик, – Светлана сделала акцент на этом слове, – и на первый взгляд довольно положительный и основательный. Было видно, что он меня хочет, я поняла это сразу же, когда его увидела. И знаешь, я тоже его захотела... Я давно уже не ощущала ничего подобного.

– И что дальше? – Лариса слушала подругу, заинтересовываясь все больше.

– Дальше? – Света покачала головой из стороны в сторону, и в глазах ее появился какой-то грустный блеск. – Дальше мы поехали на квартиру, в которой до недавнего времени жила его мать – она сейчас живет у нового мужа. Шампанское, цветы, мороженое... Ну, и... В общем...

– Все понятно, – прервала ее Лариса.

– Понятно? – несколько недоверчиво-полувопросительно произнесла Гордеева. – Я тоже думала, что все будет банально и ясно. А на самом деле оказалось, что я ни с кем до этого не чувствовала себя так хорошо, как с ним. Была потрясающая легкость, как будто мы знаем друг друга целую вечность. Ни с Игорем, ни с кем другим до него у меня такого не было.

– А потом вы встречались?

– Да, и не раз.

– На той же квартире?

– Да. Практически через день. Он звонил мне из института, говорил, когда у него между лекциями «окно», мы встречались и шли туда. Иногда сидели в кафе, но это было реже. Я все же опасалась, что меня заметят знакомые. Мне бы еще тогда задуматься о своей безопасности!

Светлана помрачнела и стала нервно теребить одной рукой другую.

– Ты говорила, что он тебя шантажирует... – решила помочь ей Лариса.

– Да, – совсем упавшим голосом ответила подруга. – Это произошло как гром среди ясного неба. Я совершенно не ожидала этого от него. Мы, правда, поругались около недели назад, потому что он пришел на нашу очередную встречу пьяным и нес какую-то чушь. Потом он не звонил, и мы, соответственно, не встречались. И вот вчера он мне прислал письмо, в котором требует от меня ни больше ни меньше тысячу долларов в обмен на неразглашение нашей связи. Мразь!

– Подожди, а как и кому он сможет это доказать?

– Дело в том, что я имела неосторожность тоже послать ему письмо, скорее даже записку, в которой моей рукой все очень откровенно изложено – как мне было приятно в прошедшую ночь и все такое... Он уезжал в командировку в Самару на три дня, сопровождал команду студентов на межрегиональную олимпиаду. Я пришла на вокзал и отдала ему это письмо, подумала, что ему будет приятно почитать его в дороге. Д-дура!

Светлана сжала зубы в бессильной ярости.

– Он грозит все рассказать мужу?

– Скорее не рассказать, а просто сделать так, чтобы это письмо попало ему на глаза.

Лариса сочувственно посмотрела на подругу.

– А если письмо попадет к Игорю, он наверняка меня бросит, – тихо сказала Светлана. – Детей у нас нет и, наверное, не будет... Я, конечно, усиленно лечусь, но... Природа, видимо, обделила меня.

Светлана всхлинула, ее большие карие глаза наполнились слезами, казалось, что еще секунда – и она разрыдается во весь голос.

– Так, – решительным тоном заявила Лариса. – Мы поедem на встречу с этим мерзавцем, и я найду способ, чтобы заставить его прекратить заниматься этим навсегда. Он в курсе, кто ты такая и кто твой муж?

– Конечно. Правда, узнал он не сразу. Тогда я не придавала этому значения, но сейчас мне кажется, что сразу после этого он как-то переменялся, что у него в глазах появилось что-то нехорошее, недоброе... В последний раз он оскорблял меня, обзывал, говорил, что, кроме миллионов, у меня ничего нет. Тогда, видимо, и задумал это все проделать...

– Кто-нибудь еще знает о вашей связи? – прервала домыслы Светланы Лариса.

– Нет. Теперь знаешь ты. Хотя не исключено, что меня мог видеть кто-то из знакомых вместе с ним в городе.

– Хорошо. Когда назначена встреча?

– Сегодня. В три часа дня.

Лариса достала пачку сигарет, медленно опустилась в кресло и закурила. Она начала напряженно обдумывать ситуацию. В ней проснулся охотничий азарт. Появилось дело, в котором она может принять участие, и весьма активное.

Она вообще была из разряда тех женщин, которые часто повинуются импульсам. Сколько она себя помнила, ей всегда удавались те дела, которые представляли для нее какой-то интерес. Если же интереса не было, дело можно было и не начинать – все равно ничего хорошего из этого не получится. Зато когда дело захватывало ее с головой, ее энергия не знала предела.

Беда Ларисы состояла в том, что интересы часто менялись и конфликтовали между собой. Может быть, поэтому она не достигла высот в карьере.

С другой стороны, преуспевающий бизнесмен Евгений Котов был отчасти обязан своим взлетом именно ей, Ларисе. После окончания мехмата Евгений работал в НИИ, который в те времена, как и вся советская наука, пребывал в состоянии клинической смерти. Полным тюфяком он не был, но и особой инициативы в деле обеспечения семьи не проявлял.

И вот в начале реформ именно Лариса сумела найти ему первый заказ на продажу программного обеспечения, с которого, по существу, и началось восхождение ее мужа по жизненной лестнице. Это уже потом была своя фирма, торговля компьютерами, прибыли, машина, новая квартира...

Сейчас Евгений вполне рулил своей жизнью сам, в жене как великом кормчем не нуждаясь. Лариса же, оказавшись в роли домохозяйки, явно ощущала нехватку внешних раздражителей, которые всегда помогали ей продвигаться по жизни, переходя с одной ступени на другую.

И тут – такое дело.

Докурив, Лариса решительно затушила окурок и с некоторой помпезностью, которая была ей свойственна в различного рода рубежных ситуациях, сказала:

– Этот твой Добров сегодня усохнет. Перестань расстраиваться, лучше выпей кофе. Я купила новый «Моккона», попробуй, лично мне очень понравилось.

Глава 2

Университетский преподаватель философии, кандидат наук Александр Добров уже неделю находился в состоянии прострации. Для этого были весьма веские причины.

Два месяца назад он получил от одной зарубежной организации грант на написание ряда политологических статей. По условиям гранта на покупку компьютера и другие накладные расходы он получил около полутора тысяч долларов. Наличными.

Однако жизнь сложилась так, что технику Добров так и не купил.

В этом была виновата его страсть. К сорока годам он был в расцвете своих интеллектуальных и сексуальных сил. Однако зарплата преподавателя университета не позволяла рожденному быть жуиром и плейбоем Доброву менять женщин как перчатки, как он привык это делать в молодости. Ко всему прочему он был женат, у него был сын девяти лет, и эта сфера его жизнедеятельности также требовала инвестиций.

Был, конечно, иногда на его улице праздник. Но в основном праздничные карнавалы Добров устраивал осенью, после окончания вступительных экзаменов. Тогда его карманы наполнялись щедрыми подношениями от благодарных представителей юга России.

Кое-что перепадало и во время зимней сессии, но это была уже мелочь... Кроме того, Добров женскую часть студенчества предпочитал экзаменовывать «натурой».

Ко всему прочему кандидат философских наук и относился к деньгам весьма философски. Копейку он не берег, а посему рубль на его огороде никак не вырастал.

Женщины, с которыми сводила его судьба, оставались им довольны. Он был щедр и на подарки не скупился. А искушенным в общении с мужчинами дамам не составляло особого труда раскрутить Доброва на траты в свою пользу. Достаточно было того, чтобы Александр Николаевич подписал.

Чуть-чуть... Самую малость...

И хотя Добров не мог назвать себя сыном турецко-подданного, так как в нем текла славянская кровь, несло его после этого никак не меньше.

Он мог, поддавшись минутному, подогретому алкоголем импульсу, истратить на любовницу в один день около тысячи, а следующую неделю пребывать в безденежье, оправдываясь перед женой всеми возможными способами. Но этой весной Александр Николаевич, что называется, особенно загнался.

На сопутствующие женскому празднику мероприятия он спустил около четырех тысяч. Самое обидное для Доброва было то, что сразу после этого он был вынужден по разным причинам расстаться с двумя своими подругами. Можно сказать, что его инвестиции просто канули в «черную дыру».

Но удача вроде бы улыбнулась кандидату наук в середине марта. Он встретил на улице свою старую знакомую еще по политехническому институту, Риту Карбышеву, бывшую одно время его любовницей. Добров вспомнил, что у нее скоро день рождения, и напросился в гости.

И на вечеринке у Риты он познакомился со Светланой, так звали эту пышную брюнетку, завоевавшую чувствительное сердце Александра Николаевича с первого взгляда. Собственно говоря, как утверждал приятель Доброва, его университетский коллега Сергей Семечкин, «для Шурика увлечься женщиной было все равно что сморкнуться». Так что подобный факт никоим образом нельзя было считать сенсацией.

Света оказалась очень хорошей любовницей. На счастье Доброва, его мать, женщина также весьма эмоциональная и сохранившая способность нравиться мужчинам и в шестьдесят с лишним, в очередной раз в своей жизни вышла замуж и ушла жить к мужу. Ее однокомнатная квартира всегда могла, таким образом, доставлять ее сыну радость общения с противополож-

ным полом. Именно там и проходили встречи Доброва со Светланой Гордеевой, женой преуспевающего бизнесмена и владельца сети магазинов.

И совсем вылетело из головы опьяненного весной ученого, что скоро к нему должны навеститься представители Фонда развития свободного человека, который невольно спонсировал авантюрно-любовные похождения Александра Николаевича.

Добров в отчаянии посмотрел на календарь. Совсем скоро... Осталась всего неделя...

Что касается его статей, то за них он был более-менее спокоен. В голове они уже выстроились, и их нужно было только перевести в файлы. Добров умел работать, когда хотел, и работу эту мог сделать за короткое время. Однако за деньги, предназначенные для покупки техники, тем не менее надо было отчитываться.

Необходимо было срочно найти тысячу долларов.

У своих знакомых Добров одолжиться не мог. Во-первых, сумма была достаточно крупной. Во-вторых, занимал он постоянно. Это был своего рода стиль жизни. Жизнь в займы.

Правда, Добров деньги отдавал всегда. Однако сейчас, представляя скептические физиономии своих экономных и рачительных знакомых, которые в очередной раз убедятся, что из Доброва толка как не было, так и не будет, Александру Николаевичу становилось не по себе.

С невеселыми мыслями о жизни и его, кандидата наук Доброва, нетвердом и зыбком месте в ней он и пришел с бутылочкой водки апрельским вечером к другому кандидату наук, доценту кафедры истории средних веков Сергею Семечкину.

Семечкину было тоже около сорока лет, и он, в отличие от семейного Доброва, был разведен. Злые языки, знавшие и того и другого, шутили, что если Доброва можно было с полным основанием назвать Казановой-практиком, то историка Семечкина – скорее донжуаном-теоретиком. Он был долговяз, худощав, мускулатура его была, прямо скажем, не очень развита, и у женщин он особым успехом не пользовался.

– Блин, Серега! – стукнул по столу Добров после третьей. – Скажи, почему у меня все в жизни через мягкое место? Как ты думаешь, а?

– Какое же мягкое, Шура? – удивился Семечкин. – У тебя, по-моему, броня по-прежнему крепка, а танк весьма быстр и пронырлив...

Семечкин красноречиво скосил взгляд в сторону добровских брюк.

– В этом-то и проблема, – тяжело вздохнул Добров, наливая еще по одной.

– Ты скажи поконкретнее. А то мне эта твоя метафизическая обтекаемость уже в зубах навязла!

– Что может быть конкретнее тысячи долларов за неделю?! – сокрушенно воскликнул Добров.

Семечкин нахмурился.

– Кто это тебе предлагает такие деньги? – настороженно спросил он. – Может быть, и я на что схожусь...

Вздох Доброва приобрел оттенок ярости.

– Ты что, вообще, что ли, двинулся там среди твоих любимых итальянских средневековых схоластов? Мне нужно найти за неделю штуку баксов. Иначе...

И он провел ребром ладони себе по горлу.

– Ну, у меня таких денег нет. – Семечкин широко развел руками и выразительно посмотрел на Доброва своими карими глазами.

– А я на тебя и не надеюсь, – мрачно ответил Добров. – Надо где-то брать, а брать негде...

Семечкин задумался.

– А ты говорил, что у тебя подруга какая-то появилась, из богатеньких...

– Ну... И что? – спросил, покачиваясь из стороны в сторону, уже пьяный Добров.

– Как что?! У нее и возьми.

Добров скептически усмехнулся. Потом вдруг нахмурился, посмотрел грозным взглядом на приятеля и стукнул кулаком по столу:

– Гусары денег не берут!

– Ой-ой-ой! – скривился в ухмылке Семечкин. – Какой Денис Давыдов выискался!

– А я тебе говорю, что никогда альфонсом не был! Этого еще не хватало!

– Шура, я и не предлагаю тебе альфонсировать. Возьмешь займы, потом отдашь. Придумаешь причину какую-нибудь повесомее...

Добров сдвинул брови и тупым взглядом посмотрел на остатки водки в бутылке.

– Ну, допустим... – после долгой паузы сказал он. – Допустим, возьму... Допустим, отдам... Но мы с ней, – он сокрушенно всплеснул руками, – рассобачились!

– Милые бранятся – только тешатся! – ответил ему Семечкин. – Ты же философ, и должен это понимать.

И историк, разлив всю оставшуюся водку по стаканам, убрал бутылку на пол.

Она пополнила длинную галерею стеклотары, которая скапливалась у Семечкина за несколько месяцев. Это кончалось обычно в один прекрасный день. На историка под воздействием прочитанной лекции о Реформации и Возрождении нападала неожиданная страсть к переменам, и Семечкин за один день наводил в своей квартире образцовый порядок. Чтобы потом в течение нескольких месяцев снова накапливать грязь, пыль и мусор.

– Нет, я на это пойти не могу, – решительно проговорил Добров своему приятелю, прожевывая квашеную капусту после того, как опрокинул последний стакан водки.

– Ну, значит, будут проблемы, – философски заметил историк Семечкин. – С фондом развития этого, как его... свободного человека.

– Я ей такого наговорил в нашу последнюю встречу! А она меня, наверное, любит... А может, и нет... Хрен их, баб, поймешь. Вот, на, почитай, Серега! И скажи, любит она меня или нет!

Добров полез в пиджак и, с минуту поковырявшись нетвердой рукой по карманам, достал оттуда листок бумаги.

– Вот это письмо она мне к поезду принесла, когда я на олимпиаду в Самару ездил.

Семечкин недоверчиво посмотрел на коллегу.

– Читай, читай! – Добров вальяжно раскинулся на стуле и придал своему лицу милостивое выражение.

– Давай, давай! – прикрикнул он, видя нерешительность Семечкина.

Тот взял листок бумаги и развернул его. Потом сдул с него крошки табака и начал просматривать текст.

По мере того, как он продвигался в своем чтении вперед, на лице его расплывалась улыбка, а глаза становились масляными.

– Ну, ты даешь, Шура! – проговорил Семечкин, плотоядно облизываясь. – Хотя в этом смысле я в тебе всегда был уверен.

– Дай сюда! – неожиданно крикнул Добров и вырвал листок из рук Семечкина.

– Я не понимаю, что ты теряешься, – закурив, сказал Семечкин. – Тут черным по белому написано: «Эта ночь была самой лучшей в моей жизни».

– С этой ночи прошло уже около месяца, – уныло заметил философ.

– Ну и что? Повторить всегда не поздно. А потом решить свои проблемы.

Добров не отвечал. Его голова бессильно упала на грудь. Водка взяла свое.

Семечкин пожал плечами, затушил сигарету и отправился прилечь на диван. Потом он неожиданно передумал, подошел к Доброву, взял его пиджак и вынул оттуда записную книжку...

...Как только около полудня Светлана Гордеева заснула в комнате для гостей, ссылаясь на свою усталость после бессонной ночи, Лариса почти забыла о том, что та рассказала ей сегодня утром.

Из школы пришла Настя, которая объявила, что, увы, по математике она получила «тройку». Но главное было не это. Настя поразила мать другим сообщением.

Она очень долго расправлялась с обедом, ее рассеянный взгляд бесцельно блуждал по огромной кухне, рассматривая потолки-армстронги и белые рифленые обои на стенах.

Взгляд девятилетнего сокровища никак не хотел концентрироваться на тарелке, где красовались спагетти по-болонски. Когда макароны с кетчупом упали на платье дочери, Лариса не выдержала.

– Ты что, без головы за стол села? – закричала она, угрожающе надвигаясь на свое чадо.

К ее удивлению, дочь в знак согласия закивала. Флегматично взяв пальцем упавшую макаронину, она засунула ее в рот и ответила:

– Мам, у меня – первая любовь. И, конечно, я потеряла голову. Все теряют, и я потеряла.

Лариса приостановилась и на несколько секунд застыла в неподвижности, переваривая только что полученную информацию.

– И... кто он? – сглотнув слюну, спросила она наконец.

– А, так, один мальчик из нашего класса! – уже своим обычным беззаботным тоном сказала Настя, махнув рукой, и снова вяло заскользила вилкой по тарелке.

– Я надеюсь, это не...

– Нет, ни за что не угадаешь, мамочка! – весело прервала ее Настя. – Это Витя Кузин.

У Ларисы отлегло от сердца. Витя Кузин был одним из лидеров в классе, весь из себя мальчик положительный и постоянно хвалимый на родительских собраниях. И родители у него тоже были людьми приличными: бородатенький папа интеллигентно-университетского вида и стильная мама с «сессоном» на голове и безупречной косметикой на лице.

Все это мгновенно прокрутилось у Ларисы в голове, и она наконец улыбнулась.

– А я уж думала, что это Леша Иволгин! – вырвалось у нее.

– Мама, меня типы, подобные этому балбесу Леше, не интересуют! – отрезала Настя.

Семья Иволгиных – папа-бизнесмен и мама-домохозяйка – жила по соседству с Котовыми в точно такой же по планировке трехэтажной квартире. Леша был троечником и забиякой. Поскольку он плохо справлялся со школьной программой, родители постоянно нанимали ему репетиторов. При всем при том он выглядел очень солидно: коротко стриженный крепыш с несколько выдающейся вперед челюстью. Несмотря на свои девять лет, он уже сейчас демонстрировал окружающим свое достоинство и даже высокомерие.

Настя еще с полчаса делилась с матерью своими школьно-амурными делами и потом прошла в свою комнату делать уроки.

Лариса поговорила о каких-то пустяках с гувернанткой Натальей и принялась за приготовление кофе по-крымски.

Она заварила кофе покрепче, добавила щепоточку соли и пол чайной ложки «Золотого ярлыка». Несмотря на то, что в магазинах был широкий выбор новомодных импортных какао-продуктов таких уважаемых фирм, как «Нестле», Лариса считала, что в приготовлении кофе по-крымски все же лучше использовать старый добрый, пахнущий детством «Золотой ярлык» отечественного производства.

Вообще, на взгляд Ларисы, в России традиции какао-производства имели богатую историю и свои особенности. Как бы западные производители ни завоевывали наш рынок своими молочными шоколадами, в производстве чистого какао и горького шоколада России нет равных. Лариса имела право высказывать такое мнение со знанием дела, так как в бытность работы в ресторане перепробовала все сорта горького шоколада импортного производства.

Лариса мельком, почти рассеянным взглядом посмотрела на часы. И внезапно спохватилась. Часы показывали половину третьего. Через полчаса им со Светланой предстояла важная встреча.

Быстро разлив кофе по чашкам, она почти бегом сбежала на первый этаж, где и располагалась комната для гостей.

Зайдя в комнату, Лариса стала тормошить подругу.

– Пора, осталось полчаса. Выпьем сейчас кофе и поедем.

Светлана открыла глаза и испуганно уставилась на Ларису.

– Лара, я... не хочу ехать.

– Почему?

– Я... не могу видеть его рожу.

Лариса вздохнула и решительно сдернула с подруги белое покрывало с огромными алыми розами.

– Хватит говорить глупости! – заявила она.

Светлана поднялась и умоляющим взглядом посмотрела на Ларису.

Та обняла ее за плечи и подтолкнула к двери...

Глава 3

«Вольво» подкатил к набережной Волги без пяти три. Добров в своем письме назначил встречу именно здесь, на аллее второго яруса, на третьей скамейке.

Лариса припарковала машину на площадке перед памятником Гагарину, рванула на себя рычаг ручного тормоза и сказала:

– Ну, с Богом!

Светлана, которая всю дорогу курила не переставая, умоляюще прошептала:

– Лара, у нас есть время еще на одну сигарету.

– Света, возьми лучше «Дирол», – посоветовала ей Лариса. – Ты курила сегодня столько, что твой Добров упадет на месте, когда ты на него дыхнешь.

– Вот и хорошо! – мстительно произнесла Гордеева, щелкнув зажигалкой.

Последнюю сигарету перед встречей с бывшим любовником Светлана курила медленно. Она прокручивала в голове те фразы, которые заготовила для разговора с ним. Но воспоминания о том, как они провели время вместе этой весной, как хорошо им было вдвоем, не давали ей сосредоточиться, не позволяли словам прозвучать весомо даже в мыслях.

Светлана злилась на себя. Она понимала, что так нельзя, что нужно быть сильной, что этот самый Саша, от которого она была без ума, оказался мелким и гадким подлецом. Она в бессильной ярости сжала рукой маленькую изящную черную сумочку.

«Тоже мне – тысяча долларов! Даже шантажировать и то не мог толком!» – зло подумала Светлана. Для нее, жены крупного бизнесмена, которая тратит на хозяйство в месяц по три тысячи «зеленых», эта сумма вообще не представляла что-либо значительного. Какой же он все-таки мелочный тип, этот Добров! Видно, все мужчины такие... А она-то, дура, его любила!

– Пошли! – Голос Ларисы ворвался в мысли Светланы и напомнил ей о том, что через минуту ей предстоит встретиться с человеком, который так низко с ней поступил.

Светлана молча открыла дверь автомобиля и вышла наружу. Подруги прошли по аллее нижнего яруса. Когда они дошли примерно до середины аллеи, Светлана прищурилась и посмотрела вверх.

– Вот он, – указала она на сидевшего на скамейке верхнего яруса плечистого мужчину в сером плаще. Он сидел заложив ногу на ногу и нервно курил.

– Очень хорошо, – протянула Лариса. – Садись здесь на скамейку и смотри, что будет происходить наверху. Я пойду поговорю с ним сама.

– Но... – начала было Светлана.

– Никаких «но»! Я думаю, что мне с ним разобраться будет проще, поскольку чувства надо мной не довлеют и нас с ним ничего не связывает.

Светлана пожала плечами и уселась на скамейку.

Лариса дошла до ближайшей лестницы, поднялась наверх и деловой походкой отправилась в сторону скамейки, на которой сидел шантажист. Решительно подойдя к мужчине, она произнесла:

– Здравствуйте. Вы Добров?

– Да, – мужчина посмотрел на Ларису.

И выражение его лица сразу же из равнодушного превратилось в заинтересованное. Глаза его уже начали свой стандартный в таких случаях путь – снизу вверх, чуть задерживаясь на середине и останавливаясь сверху.

Однако Лариса поспешила прервать это путешествие мужских глаз по ее фигуре:

– Первый раз вижу такое разительное несоответствие фамилии и натуры человека.

Добров поднял глаза на лицо собеседницы и одарил Ларису золотозубой улыбкой:

– Простите, не понял...

– Сейчас поймете, – сказала Лариса и присела на скамейку.

– Ах, так это вы! – еще шире улыбнулся Добров. – Вы от Сергея!

– Я не от Сергея, – ответила Лариса, чем очень разочаровала Доброва. – Я пока сама по себе. Но если вы не отстанете от Светланы, к вам придут действительно от Сергея, одного моего влиятельного знакомого, и совершенно другие люди. И намерения у них в отношении вас будут отнюдь не самыми добрыми...

– Стоп! – словно выстрелил Добров. – Я ничего не понимаю. Если вы не от Сергея, то кто же вы?

Лариса вдруг почувствовала, что в ситуации присутствует какой-то совершенно непонятный ей элемент, который является определяющим и пока неясен ни ей, ни, как это ни странно, ее собеседнику. Она решила взять небольшой тайм-аут и, в свою очередь, прошлась оценивающим взглядом по Доброву.

«Ну, что ж, в принципе неплох... Для своих сорока двух вполне недурно сохранился... Нос, конечно, мог быть и более правильной формы, но вообще выглядит довольно мужественно», – резюмировала она.

Однако то обстоятельство, что этот человек требует у ее подруги деньги за то, что та имела глупость в него влюбиться, сводило на нет положительное впечатление об этом мужчине.

– Меня зовут Лариса, – сказала она, отвечая на вопрос Доброва.

– Очень приятно.

– А мне не очень. Не люблю шантажистов.

– Снова не понял... – Улыбка чуть сползла с крупного лица преподавателя философии, но он по-прежнему почти радушно смотрел на свою собеседницу.

Тем временем по аллее на выручку Ларисе спешила Светлана. Она шла к скамейке решительно, грозно стуча своими каблучками по асфальту.

Добров непроизвольно посмотрел в ее сторону. Лицо его снова приобрело озабоченное выражение.

– Вы знакомы? – спросил он у Ларисы, жестом объединяя ее со Светланой.

– Мы знакомы, – ответила подошедшая Светлана. – А вы, я так полагаю, тоже. Иначе бы ты не разговаривал с ней с такой улыбочкой.

– Только что сейчас познакомился, – начал оправдываться Добров.

– Подождите! – подняла вверх руки Лариса, делая успокаивающий жест. – Вы посылали это письмо?

Она вынула из кармана листок бумаги и показала его Доброву. Тот быстро пробежался по нему глазами, нахмурился и сказал:

– Нет.

– Тогда кто же его посылал? – В голосе Светланы послышались нотки ярости. – Кто, если не ты, мразь ты этакая?!

– Стоп! – предостерегающе крикнул Добров. – Меня еще и оскорбляют...

– А на что ты рассчитывал? На то, что я тебя расцелую во все твои интимные места? Эх ты, а еще мужиком прикидывался! – презрительно глядя на Доброва, воскликнула Гордеева.

– Я все понял! – гаркнул Добров. – Я этому...

Фраза, прозвучавшая далее, обозначала, что Добров брал на себя обязательства привинтить гениталии какого-то неведомого обоим женщинам «пигмея» к его лбу.

– Потрудитесь, пожалуйста, объясниться, – спокойноотреагировала Лариса на живые и откровенные высказывания Доброва, вынимая из сумочки пачку «Кента».

– Сейчас объяснюсь, – в тон Ларисе спокойно произнес Добров, доставая из кармана плаща «Астру». – Света, присаживайся, пожалуйста!

Добров достал из другого кармана газету и расстелил ее на скамейке.

– Вот так будет лучше, а то плащ испачкается – нехорошо...

Светлана, слегка подумав, опустилась на скамейку рядом с Добровым.

– Дело в том, что тысяча долларов, о которой говорится в этой писульке, мне действительно нужна, – начал Добров.

– Ага, значит, все-таки нужна! – уличающе прокомментировала Гордеева.

– Да, нужна! А кому не нужны деньги?!

Лариса и Светлана, хотя и были женщинами, в средствах особо не нуждавшимися, оценили всю резонность заявления преподавателя философии и промолчали.

– Но все дело в том, что я имел неосторожность проболтаться о своих проблемах своему знакомому. Он-то наверняка и подстроил нашу встречу. Сегодня утром он сказал мне, что у него есть человек, который сможет мне одолжить требуемую сумму. Но для того чтобы ее получить, я должен прибыть сегодня в три часа на набережную. Когда я увидел твою очаровательную подругу, – при этих словах Добров скосил взгляд на Ларису, а в глазах Светланы промелькнула ревность, – я подумал, что она-то и есть тот добрый ангел, который сможет выручить меня.

– Этот ваш знакомый знал о вашем, так сказать, романе? – спросила Лариса.

– Да, я вчера проболтался... Пьяный был...

Добров обвел извиняющимся взглядом обеих дам.

– Мр-раз! – яростно прошептала Светлана и отвернулась.

– Ну да, ну да... Конечно, мразь... – сокрушенно вздыхая, невесело признался Добров.

Наступила пауза, которую первой решила нарушить Лариса:

– Зачем вам нужны деньги?

– А зачем вообще нужны деньги мужчинам? – ответил философским вопросом Добров и тут же на него ответил: – Да затем, чтобы тратить их на вас, женщин! Разве я не прав?

– Может быть, и правы, – согласилась Лариса. – Однако каждый должен брать на себя столько, сколько сможет унести. А у вас, наверное, слишком бурный темперамент.

– Вы абсолютно правы! – Добров поднял вверх указательный палец.

– И все-таки хотелось бы узнать поподробнее, – настаивала Лариса.

– Зачем? Зачем вам мои проблемы?

– Может быть, я вам помогу...

– Зачем? – повторил свой вопрос Добров, и губы его скривила скептическая ухмылка.

Он посмотрел на Светлану. Та по-прежнему сидела отвернувшись, смотря в глубь аллеи. Она делала вид, что всецело поглощена разглядыванием молодой мамы, которая выгуливала в коляске своего малыша.

– Впрочем, действительно, зачем? – задумчиво произнесла Лариса. – Только письмо вы Свете отдайте. Чтобы не было больше таких инцидентов.

– Пожалуйста!

Добров вынул листок бумаги и протянул его своей любовнице. Та молча взяла его.

– Вот и прекрасненько, – констатировала Лариса. – Надеюсь, что ксерокопию вы не сняли.

Она поднялась со скамейки и заметила:

– А тысяча долларов у меня действительно есть...

– Лара, я разберусь с ним сама! – повернула голову Светлана. – Пожалуйста, подожди меня в машине, я скоро приду.

Лариса пожала плечами и ехидно произнесла в сторону философа:

– Всего вам доброго, господин Добров!

– Вам того же, – ответил он, расплывшись в улыбке.

...Светлана вернулась через полчаса и радостно плюхнулась на переднее сиденье. Лариса спросила:

- Ну что? Разобралась?
- Уф! Разобралась, – с облегчением ответила Гордеева и улыбнулась. – Ларочка, я так тебе благодарна! Ты у меня такая славненькая!
- Лариса усмехнулась.
- И чем же я такая славненькая?
- Если бы не ты, я, наверное, не пошла бы... А если и пошла, то наговорила бы Бог знает что. Еще хуже было бы...
- Ну, а все-таки, о чем вы договорились?
- Дала я этому разгильдяю... тысячу долларов, и все! Не хочу больше иметь с ним ничего общего. Пусть пудрит мозги своей альтернативной историей другим дурам!
- Он хоть объяснил, зачем они ему?
- Он, по-моему, все ясно сказал – на баб! На таких, в частности, как я. Просто он промотал деньги, которые достались ему по гранту.
- Он обещал вернуть деньги?
- Да, но для меня это неважно. Лучше будет, если не вернет, потому что я не хочу больше его видеть. Главное – гора с плеч, письмо у меня!
- Ну, это дело твое, – Лариса облокотилась на руль, – но, Света, как я поняла, он ни в чем особо и не виноват...
- Нет, он виноват! – произнесла Гордеева, глядя в упор на подругу. – Он виноват, что родился таким... уродом!
- Ладно, поехали! – вздохнула Лариса и вставила ключ зажигания. – Ты сейчас слишком взвинчена, чтобы быть объективной. Тебе надо хорошо поесть. Поехали, накормлю тебя жареной телячьей печенкой с лимоном.
- Приехав домой и быстро приготовив еду, она поставила перед подругой свой новый кулинарный изыск и включила телевизор...
- ...Следующий день для Ларисы начался как обычно. Раннее пробуждение, проводы Насти в школу и размышления о своей судьбе. Наступил новый день, который не сулит ничего примечательного. Проблемы подруги успешно решены, по дому вроде бы тоже делать особенно нечего.
- Что остается? Скучать возле телевизора? Ехать выбирать новый костюм? Или, может быть, сегодня все-таки приготовить рулет из свинины с черносливом?
- Это блюдо Лариса собиралась приготовить уже три месяца. Впервые она отведала его прошлой зимой в Дании, в небольшом копенгагенском ресторанчике.
- Они были там во время зимних каникул с Евгением и Настей. Откровенно говоря, Лариса не очень хотела ехать в эту северную страну, да еще и зимой, однако уступила просьбам дочери. Ее любимым писателем был Ганс Христиан Андерсен, и она мечтала побывать на его родине.
- «Что ж, если сегодня ничего серьезного не предстоит, самое время заняться приготовлением этого рулета», – подумала Лариса и посмотрела на часы.
- Время приближалось к девяти. Надо сходить на рынок. В десять она уже будет дома, начнет готовить, и к приходу Насти кушанье будет на столе.
- «Что-то давно не было звонка от Евгения», – подумала Лариса, надевая свое любимое бежевое жатое платье. Скоро майские праздники, так что приедет он обязательно. По крайней мере должен. Но мог хотя бы позвонить и предупредить! И вообще непонятно, думает ли он там, в столице, о ней, скучает ли?
- Ее мысли оборвал домофон. Лариса увидела Свету Гордееву, вид которой поразил ее даже на дисплее домофона.
- Лариса подошла к входной двери и открыла ее. Светлана выглядела мрачнее тучи, а косметики на ее лице не было.
- Что такое, Света?

– Сейчас расскажу, меня всю трясет. Найди успокоительное, пожалуйста.

Пока Светлана снимала плащ и разувалась, Лариса прошла в маленький холл и стала рыться в аптечке.

– Короче, вот, читай! – Светлана протянула Ларисе листок, на котором черным шрифтом принтера по белой финской бумаге было написано:

«У вашего мужа есть сын. Ему девять лет, и зовут его Добров Дмитрий Александрович. Если вас это интересует, задайте соответствующие вопросы Ольге Добровой. Она работает учительницей в школе Ъ3».

Глава 4

– Ты что же меня так подставил, интриган несчастный? – шумел широкоплечий философ Добров, танком надвигаясь на тщедушного историка Семечкина.

– Неважно, какого цвета кошка, лишь бы мышей ловила! – метафорично отвечал ему Семечкин. – Ты доллары получил – получил! И нечего на меня бочку катить! Что бы ты без меня делал, кто бы тебе эти деньги дал?

– Какая разница?! Это мое дело! Мне, думаешь, приятно было выглядеть на этой встрече бесформенной массой? – не унимался Добров.

– Не будет из тебя толку, Добров! – качал ему в ответ головой Семечкин, отодвигаясь к окну кабинета. – Ох, не будет! Как идиотом родился, так и умрешь! Только и умеешь, что на женщин залезать... – А вот это уже совсем не твое дело! Как будто сам лучше. Тебе-то вообще никто не дает. Попомни мои слова – через пять лет совсем упадет, и вспомнить нечего будет! Впрочем, нет, гораздо раньше, – вдруг спохватился Добров.

И пообещал тот самый важный орган, который должен у Семечкина упасть лет через пять, прямо сейчас оторвать и прибить ко лбу гвоздями.

И философ простер свою большую ладонь к брюкам своего коллеги, явно намереваясь совершить резкое хватательное движение и осуществить свой антигуманный замысел.

В момент, когда Добров уже ухватился рукой за материю старых, протертых брюк Семечкина, дверь кафедры отворилась. Буквально наткнувшись глазами на эту выразительную сцену, на пороге застыла заведующая кафедрой истории средних веков профессор Александра Михайловна Захарченко.

– Что здесь происходит? – недоумевающе-негодуяюще сверкнув глазами изпод больших роговых очков, спросила она своим звонким голосом.

Добров обернулся, не успев отдернуть руку от штанов Семечкина. Пока он подыскивал нужные слова, Захарченко фыркнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.